

Практики научной дипломатии в измерениях культуры и творчества: «наука для дипломатии» в Италии и России¹

Аннотация. Развитие науки как социального института, а также ее взаимодействие с дипломатией, в настоящее время породило ряд «гибридных» форм, способствующих объединению потенциала каждой из этих сфер для решения конкретных социально-политических задач современной культуры.

На фоне свертывания собственного потенциала естественнонаучных исследовательских программ в ряде стран, выступавших прежде в числе лидеров мировой науки (прежде всего, физики) особенно интересна динамика изменения роли ученого в парадигме постнеклассической науки. Италия с этой точки зрения представляет собой уникальную площадку, где традиции классического образования, политический процесс и современная европейская стратегия получили специфическую направленность в сторону смещения сферы приложения этого потенциала в область коммуникации. И, прежде всего, научной коммуникации (включающей, в том числе, срез коммуникации дипломатической).

Использование биографического метода на основе общедоступной справочной информации способствует смене ракурсов при анализе пласта философско-культурологических оснований такого вида научной дипломатии, как «дипломатия ученых». Судьбы видных ученых (таких, как Бруно Понтекорво) и менее известных деятелей науки, оказавшихся включенными в деятельность международных организаций, оказываются здесь не менее показательными, чем судьбы тех, кто не поднялся на вершины науки, став незаметным «винтиком» в колесе истории.

Научная дипломатия таким образом может быть рассмотрена в двух, как минимум, аспектах. С одной стороны, как «наука для дипломатии», - с точки зрения общекультурного потенциала естественнонаучного образования и самой научной деятельности, выводящей ученых на уровень дипломатической работы. С другой – как народная дипломатия в рамках «культурной дипломатии», не ведущая к определенному статусу и рангу, но позволяющая решать вопросы в рамках научного сообщества, выступающего важным групповым коммуникатором в международных отношениях.

¹ Статья написана по гранту РФФИ 16-06-00534 «Практики научной дипломатии: естественно-научные дисциплины в международном социально-политическом контексте».

Поставленные вопросы уместно рассматривать сквозь призму идеи творческого потенциала естественнонаучного образования, перспектив его влияния на продуктивность мышления в прикладных социокультурных практиках, основанных, в том числе, на коммуникативной компетентности. Однако еще более важен подход, вскрывающий значение фундаментального образования любого профиля для формирования зрелой личности, способной реализовать себя в решении разноплановых задач, имеющих весомое общественное значение.

Ключевые слова. «Гибридные» формы научной коммуникации, философско-культурологическое исследование научной дипломатии, ученые-«коммуникаторы», интеллектуальное творчество, социокультурный потенциал фундаментального образования, экономика науки, итальянские физики.

The practice of science diplomacy in the cultural and creative dimensions: "science for diplomacy" in Italy and Russia

Annotation. The development of science as a social institution, as well as its interaction with diplomacy, now spawned a number of "hybrid" forms of promoting the unification of the capacity of each of these areas to address specific social and political problems of contemporary culture.

Against the background clotting own potential natural science research programs in a number of countries who spoke first among the leaders of the world of science (especially physics) especially interesting are dynamics of the changing role of the scientist in the paradigm of post-nonclassical science. Italy from this point of view is a unique platform where the tradition of classical education, the political process and the modern European strategy received a particular orientation towards the sphere of application of this bias potential in the communications area. And, above all, scientific communication (including, in particular, diplomatic communications).

Using biographical method based on the publicly available reference information helps to change perspectives in the analysis of the formation of philosophical and cultural foundations of such type of science diplomacy as "diplomacy of scientists". The fate of prominent scientists (such as Bruno Pontecorvo) and less well-known figures in science, has been included in the activities of international organizations, there are no less revealing than the fate of those who did not rise to the top of science, becoming invisible "cog" in the wheel of history. Science diplomacy thus can be considered at least in two aspects. On the one hand, as "science for diplomacy" - in terms of general cultural potential of science education and scientific activity itself, deducing scientists to the level of diplomatic work. On the other - as a public diplomacy in the framework of "cultural diplomacy" does not lead to a certain status and rank, but enables to solve issues within the scientific community, is an important group communicator in international relations.

The questions are appropriate to consider in the light of the idea of the creative potential of science education, the prospects of its impact on the productivity of thinking in the application of social and cultural practices based, inter alia, on the communicative competence. But even more important is the approach exposing the fundamental importance of education of any type for the formation of a mature personality, capable to realize itself in the solution of various problems with weighty social significance.

Keywords. "Hybrid" forms of scientific communication, philosophical and cultural studies of science diplomacy, scientists-"communicators" intellectual creativity, socio-cultural potential of fundamental education, economics of science, Italian physics.

Коммуникативный потенциал научной дипломатии – один из самых перспективных на сегодняшний день. При этом сама научная дипломатия, как известно, может быть рассмотрена в нескольких аспектах. Во-первых, как коммуникация профессиональных чиновников и организаторов науки в связи с проблемами этого социального института. Во-вторых, как коммуникация представителей дипломатического ведомства в связи с теми же проблемами в сфере международных отношений. И в-третьих, представляет значительный интерес коммуникация самих ученых в различных типах транзакций. Среди последних следует выделить собственно профессиональное общение; профессиональное общение с целью решения тех или иных социально значимых проблем (в области экономики, политики, тех же международных отношений и т.д.) как разновидность «народной дипломатии».

Особый интерес, однако, представляет изучение феномена взаимопроникновения науки и дипломатии в профессиональной деятельности полномочных представителей своих государств, имеющих аккредитацию за рубежом. Коммуникативные транзакции с их участием основаны на своеобразной «диффузии» профессиональных навыков двух типов. Основой этих навыков становится, как правило, фундаментальное образование (чаще – классическое гуманитарное; но также и естественнонаучное) и труд в сфере науки; а их итоговой реализацией – работа на поприще профессиональной дипломатии.

Задуматься о причинах активного перевода собственно научного потенциала в сферу действия научной дипломатии меня побудила беседа с одним итальянским дипломатом, физиком по образованию, чья работа в профессиональной области явно не была «пустышкой». И вместе с тем, этот человек сменил уютное профессорское кресло и впечатляющую профессорскую кафедру на тесный в сравнении с ней кабинет «бюрократа поневоле», неизбежное сочинение отчетов и бесконечное общение, характерное для дипломатической работы, «по определению» связанной с отбором и просеиванием поступающей информации. Впрочем, политика современной Италии в области поддержки научных исследований хорошо известна – экономическая ставка в свое время была сделана отнюдь не на физику, а на производство заводов. По выработке стеклотары.

Что заставило моего собеседника сделать этот, прямо скажем, неоднозначный выбор? Желание реализовать себя вне студенческой аудитории, недотягивающей по своему творческому потенциалу до недоступной при такой научной политике качественной научно-исследовательской лаборатории? Идея служения государству в

качестве «информационной губки»? Стремление способствовать созданию интернациональной среды общения технократов, чьи «естественные» (в отличие от «неестественных» - то есть гуманитарных, как их прозвали в 1960-ые гг. весельчаки из академической среды) науки позволяют дистанцироваться от национально обусловленных стереотипов, приподняться над обыденностью и, видя истину такой, как она есть, подсказывать мятущимся умам сбалансированные выходы из, казалось бы, политически «непроходимых» ситуаций? Априори понятно, что сфера научной дипломатии как дипломатии ученых, дипломатии для ученых да и ученых в дипломатии содержит в себе значительный потенциал конспирологии, хотя совершенно необязательно сводится к ней. Знающему человеку бывает достаточно намека, позволяющего понять, насколько то или иное решение в его профессиональной области опережает, соответствует или запаздывает по отношению к его собственному багажу в данной области. Ответы на эти вопросы, конечно, касаются очень личных моментов биографии. Поэтому имеет смысл обратиться к рассмотрению темы творчества с использованием биографического метода, - не превращая пересказ исторических событий в самоцель, но вместе с тем и не упуская из виду тему социокультурных оснований тех или иных «выборов», осуществляемых творческой личностью на ключевых этапах ее жизни.

Целый ряд вопросов в данном случае носят отнюдь не праздный и достаточно фундаментальный характер, касающийся определения реальных путей развития международных отношений и перспектив развития тех или иных культур в связи с пролонгированием действия в них таких «классических» механизмов трансляции культурного наследия, как образование. Также не пустой вопрос о трансформации соотношения образования в упомянутом смысле - и науки в технологическом понимании, науки как модернизационной стихии, размывающей традиционные формы трансляции культуры.

Реально ли объединить усилия ученых в тех сферах, которые, реализуясь на пределе возможностей современной фундаментальной и прикладной науки (науки-технологии) готовы воспользоваться необходимым рычагом сопоставления результатов и взаимной поддержкой в сфере поиска творческих подходов к эвристическим (нетиповым) задачам?

Насколько обоснована вера в то, что ученый, оказавшийся на месте профессионального дипломата - по сути чиновника, обученного специфическим приемам организации деятельности с целью дипломатического (мирного) решения постоянно возникающих в международных отношениях проблем, - быстро освоит необходимый объем навыков и окажется полезным в этой несвойственной себе роли? Насколько

реально непрофессиональному дипломату выполнять роль идеолога в сложных политически перераспределениях? Позволяет ли «загрузка» заботами смягчения политического противостояния сохранить творческий потенциал, характерный для высокой научной культуры настоящего ученого?

Положительные ответы на эти вопросы определяют не только совершенно конкретный формат «политических» назначений (прецеденты которых известны и в России, и Италии), но и не менее интересные линии ярких судеб, многократно описанных биографами, - например таких, как судьба Бруно Понтекорво (22.08.1913, Марина ди Пиза, Италия – 24.09.1993, г. Дубна Московской области), итальянца еврейского происхождения, ученика Энрико Ферми.

Вспомним: Б. Понтекорво - основоположник физики нейтринных энергий и нейтринной астрономии. В июне 1940 г. он с семьей эмигрирует из Европы в США. Затем – работа в Канаде. Вскоре после получения британского гражданства (1948) Понтекорво перебирается г. в СССР (1950) и работает в так называемой Гидротехнической лаборатории (будущий Институт ядерных проблем Академии наук) – так назывался в то время строго засекреченный протонный ускоритель (на территории будущей Дубны). С 1956 г. это подразделение стало называться Лабораторией ядерных проблем (ЛЯП) в составе международного ядерного центра, созданного по примеру ЦЕРН — Объединённого института ядерных исследований (ОИЯИ). К слову, ЦЕРН был образован по решению 12 государств (1953) в 1954 г., находится в Швейцарии недалеко от Женевы. В настоящее время именно ЦЕРН – крупнейшая площадка международного сотрудничества физиков всего мира. Пример тому – большой адронный коллайдер, который является основным проектом института в наши дни. Россия не является членом ЦЕРНа, однако принимает активнейшее участие в его работе, включая финансирование. В 2013 г. ЦЕРН был отмечен Золотой медалью Нильса Бора – наградой Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО).

Ну а институт ядерных исследований в наукограде Дубна Московской области создавался по официальной информации (Алексей Сисакян, директор Объединенного института ядерных исследований: Объединенный институт ядерных исследований (Дубна). Электронный ресурс: <http://kocmi.ru/obedinennyj-institut-yadernyh-issledovaniy-dubna.html>) по решению 11 стран (Албания, Болгария, Венгрия, ГДР, Китай, КНДР, Монголия, Польша, Румыния, СССР, Чехословакия). Позже, в сентябре того же, 1956 г., к ним присоединились Демократическая Республика Вьетнам, а в 1976 г. - Республика Куба. И сегодня это – один из крупнейших центров международного сотрудничества. Членами ОИЯИ являются 18 государств (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Болгария, Вьетнам,

Грузия, Казахстан, Корейская Народно-Демократическая Республика, Куба, Молдавия, Монголия, Польша, Россия, Румыния, Словакия, Узбекистан, Украина, Чехия. На правительственном уровне заключены Соглашения о сотрудничестве Института с Германией, Венгрией, Италией и Южной Африкой).

Но вернемся от биографии институтов к биографии человека – одного из создателей ОИЯИ. Бруно Понтекорво называл свое решение перебраться в Советский Союз желанием «выровнять баланс между Востоком и Западом», реализуя идею А. Эйнштейна об объединении усилий советских и американских ученых в области ядерных исследований с целью обогнать Германию [3]; доказательств какой-либо его вербовки со стороны разведки СССР не имеется. Скорее всего, это был искренний порыв, связанный в том числе с его, по собственному выражению «фанатичной верой» в коммунизм, которую в одном из последних интервью (1992 г.) ученый назвал «кретинизмом» [3].

В такой вере ученый не был одинок: история знает и других деятелей науки, эмигрировавших в СССР из европейских стран. Не всегда они стояли в первых рядах той же физики или нейробиологии. Да и профессиональная судьба не была одинаково благосклонна ко всем из них. Так, по рассказам семьи один из молодых немцев, в свое время пивший пиво в Вене с А. Эйнштейном и разделявший с ним не только этот интерес, оказался в результате страстного стремления строить социализм в далекой России вместе с семьей на о. Ольхон после 23 августа 1941 г., когда было принято правительственное решение о депортации немцев... В Вену он вернулся крайне пожилым человеком, которому было уже не до физики. О тех, кто остался в Германии и Италии, а также был привлечен для сотрудничества с наукой этих стран в 1930-ые гг., написано достаточно. И здесь стоит сказать прямо: личная судьба ученого сложным образом связана с его моральным выбором. Она не всегда такова, какой ее видят биографы; и не всегда развивается в ту или иную сторону «по прямой». Однако ядерный век действительно поставил перед сообществом ученых задачу объединения усилий для создания атмосферы мира и доверия между народами. Как бы ни наивно это звучало. Впрочем, естественнонаучное образование, равно как инженерно-техническое и конструкторское – тот путь, который позволяет человеку и группе сохранить «здоровую наивность» как веру в перспективность гуманистических общественно-политических проектов.

Профессиональные дипломаты в этом смысле имеют другие риски и другие возможности. При этом не кажется удивительным, что послы Италии (в том числе, в РФ) имели в основном диплом юриста или специалиста в области международных отношений [13]. Однако штат посольства укрепляется людьми, получившими, в том числе, естественнонаучное образование. Они – хорошие коммуникаторы, чья активность

направлена на аудиторию интеллектуалов, и с этой точки зрения незаменимы. Европейские страны охотно укомплектовывали штат своих посольств в России с учетом необходимости подобной коммуникации. В том числе, и потому, что Россия – страна с огромным потенциалом в данной области, не исчерпавшим себя по сей день.

На эту тему имеются и более ранние исторические прецеденты. Так, известный итальянский дипломат Аттолико Бернардо (17.01.1880, Каннето, Бари - 09.02.1942, Рим), получивший образование в университете Рима, преподавал экономику в Техническом институте. С 1907 он становится чиновником, а в 1911 активно вовлекается в дипломатическую работу в составе специальной военной миссии. «С 1919 г. переведен на службу в Министерство иностранных дел в ранге чрезвычайного посланника 2-го класса. В 1922-1927 - заместитель представителя Италии в Лиге Наций. С 1927 г. - посол в Рио-де-Жанейро, с сентября 1930 по июль 1935 - посол в Москве... 26.07.1935 назначен послом в Берлине. Сторонник сближения с Германией, приложил много усилий для создания «оси Берлин—Рим». 31.10.1939 заменен Д. Альфиери, в 1940 переведен на очень важный в итальянском внешнеполитическом ведомстве пост посла в Ватикане» [5].

Дипломаты с хорошим естественнонаучным образованием и исходной преподавательской карьерой встречаются и в России. Достаточно вспомнить историю нынешнего ректора ДВФУ С.В. Иванца (род.15.09.1965, Москва), занявшего этот пост в 2012 г. Как сообщают СМИ, С.В. Иванец окончил Московский инженерно-физический институт (МИФИ) по специальности «прикладная математика», защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук. Затем с 1996 г. начал работать в МИД РФ, где до 1999 занимал пост второго секретаря Посольства РФ в США, курируя вопросы научно-технического сотрудничества. Трудясь затем в Министерстве образования РФ, С.В. Иванец выполнял функцию директора департамента стратегии и перспективных проектов в образовании и науке, а в 2010 г. возглавил департамент международной интеграции Министерства образования и науки РФ. Уголовное дело, в связи с которым в марте 2016 г. С.В. Иванец был задержан и помещен под домашний арест, по сообщениям печати содержит в себе сведения, «составляющие государственную тайну» [14]. Не предваряя решения суда, стоит однако подчеркнуть: злоупотребление служебным положением, инкриминируемое ректору ДВФУ, не отменяет несомненного творческого потенциала этой личности.

Отдельно стоит назвать Ю.А. Рыжова (род.28.10.1930, Москва) – блестящего российского ученого и дипломата, бывшего ректора МАИ. Выпускник МФТИ, доктор технических наук, экс-посол РФ во Франции, Ю.А. Рыжов многое сделал в экспериментальной и теоретической аэродинамике, что, очевидно, не помешало ему

реализовать свой интеллектуально-творческий и личностный потенциал в сфере отечественной дипломатии. Ю.А. Рыжов в 2001-2012 гг. был председателем Российского Пагоушского комитета при Президиуме РАН, в 2002-2013 гг. являлся членом Совета Пагоушского движения ученых. Юрий Алексеевич выполняет роль председателя Научного совета РАН «История мировой культуры», он также - председатель жюри научной секции независимой премии «Триумф», член общественного Комитета защиты учёных и т.д. Политическая деятельность Ю.А. Рыжова началась еще в 1989 г. в качестве народного депутата. В январе 2015 г. он высказал мнение, согласно которому современный период российской истории, названный им «смутой», характеризуется как «системный кризис».

Действительно, ценимые в научном сообществе системность, ясность и четкость мышления, связанные со способностью выстраивать последовательность действий по достижению ясно определенной цели, - это, прежде всего, признаки рациональности. И в то же время – результат хорошего естественнонаучного образования. Почему именно естественнонаучного? Скорее всего, потому, что оно унаследовало статус «классического», по традиции «удерживая» находки прежних лет и расширяя кругозор современными «поправками». Таков подход здравого смысла к вопросу о роли физико-математических дисциплин в формировании перспективного управленца.

Однако можно посмотреть на этот вопрос и с другой стороны. Миф о том, что именно «естественное» образование дает превосходящее иные пути просвещения развитие ума, очевидно страдает сциентизмом. По сути он отражает одну из древнейших формул усиления социальных позиций своей группы: разделяй и властвуй. Действительно, «умение считать», сакрализованное современным обществом, - базовое в развитии речи и мышления. Однако при этом важно, *что* именно мы считаем и каким образом выбираем способы подсчета (методы решения проблемы). Именно эта проблема нашла свое выражение в дискуссиях об «операционализации» социологических понятий, результаты которой потребовали дополнить современную социологию так называемой «неклассической» ее ветвью, основанной преимущественно на качественных, а не на количественных методах решения социологических задач. Примеры такого подхода хорошо представлены в отечественном социологическом дискурсе [7, с.24-34], который в настоящее время в основном освоил уроки мировой (и прежде всего, американской) социологической мысли и оказался в состоянии включаться в обсуждение действительно актуальных тем и вопросов. Одной из таких тем стал «культуральный поворот» [3].

Тем более показателен тот факт, что со времен анализа идей Э. Дюркгейма и его ближайших последователей в середине 20 в. американская социология ставила вопрос о

«метаэтике» как основе социологических задач и их решений [21. P.22-24; 22].

Как минимум, сказанное означает, что хорошее социологическое образование (а оно, как известно, требует хорошего математического фундамента) предполагает разнообразие подходов, умения сочетать «естественное» с «не-естественным». То есть речь идет не о конкретном профиле, а о *фундаментальности* образования, достигаемой за счет формирования системного и вместе с тем творческого мышления. Такой подход как раз и формирует ученых-«коммуникаторов», составляющих сегодня научное сообщество именно как *сообщество*, ответственное за результаты своей профессиональной деятельности перед обществом. Более того. Не будет большим преувеличением сказать, что именно хорошее гуманитарное образование, входящее «в горизонт» настоящих университетских центров, дающих своим выпускникам не-гуманитарный профиль, изначально позволяет сочетать системность и широту кругозора, обеспечивая выход в теоретический горизонт современного знания. То есть – подлинно творческое его освоение, по всей видимости предполагающее сегодня «нетипичные» этические и социально-политические «выходы». Правда, этот горизонт не дается по факту получения «гуманитарного» диплома (как не дается в вследствие получения диплома «естественного» или «технического»).

Другое дело – физика, дающая уму развитое понимание процессов, происходящих в природе. Мировоззренческая роль физического знания еще не так давно занимала первые позиции в программах средних школ России. Вытесненная в последнее время «идеологическими» предметами, школьная физика (как и математика) еще раньше утратила свою наглядность. Следствия руинирования сознания, к которому привели подобные усилия, трудно переоценить. Развивая воображение ребенка и вместе с тем обучая строгой оценке его деятельности, физика в советской школе давала «выход» в виде мыслящих людей, способных стать «строителями нового общества» и «всесторонне развитыми личностями». Сюжеты «борьбы» физиков и лириков, культивируемые одно время в медиа, по сути передавали конфликт между массовым сознанием («лирики» обычно были не слишком успешны и в поэзии) и сознанием, которое принято было называть «научным». А точнее – «рациональным» (в смысле Хабермаса [18]) или «логичным» [11;20, с.171-174]. Но таким образом понятая рациональность как раз не противопоставляет «гуманитарное» и «естественное»: знание (и научное знание в том числе) в отличие от технологий принципиально не-идеологично, хотя и может быть использовано (и еще как используется) в идеологических целях. «Научное» в контексте завышения статуса не-гуманитарного образования следует таким образом понимать как «элитарное» – в смысле принадлежности властным стратегиям и в смысле

действительного обладания глубиной и полнотой познания, латентно предполагающего (а не исключаящего) обладание информацией в области гуманитарного знания.

Отказ от «научности» в таком виде, свойственный современному периоду глобальной цивилизации, ведет фактически к реализации идеи «золотого миллиарда». Знание остается силой, способной конденсировать властные стратегии, выводя их из «эпистем» как «исторических априори», коренящихся в сфере бессознательного [16; 17] или же выводить решительность действия из предельной рационализации, славшей науку и технику [18] в единый сплав, - способный, однако, стать источником социальных трансформаций. При этом трудно не согласиться с Н. Фархатдиновым в том, что годы, прошедшие с момента выхода книги Хабермаса показали: техника и наука спокойно могут развиваться, практически не подпитывая друг друга (пример тому – развитие техники на основе заказа корпораций, а не из потребностей науки как института знания [15, с.60-64] и т.д.). В целом «власть в условиях глобализации [4] не отвечает условиям первоначально поставленной задачи: проект просвещения, реализуемый освободительной силой знания, оказывается недоступным для «масс».

Таким образом, знание как «коммерциализированный продукт» и результат «академического капитализма» [23] само предполагает необходимость управления, устанавливающего ценности и смыслы техногенной и наукоемкой социосферы [6, с.132-147], диктующей идеи демократии и прогресса. Стоит подчеркнуть, что общий тренд идей «академического капитализма» по сути продолжает (возможно, через Хабермаса) идеи Гегеля и Маркса об освобождающей силе знания, способного преодолеть отчуждение и таким образом воплотить в жизнь идеал «историзма» - неодолимой закономерности поступательного развития общества по пути прогресса [12, с.31-37]. Воспроизводится известная заочная полемика Ю. Хабермаса и Г. Маркузе (полагавшего человека, попавшего в рабство к технике, «одномерным» [8] – впрочем, вполне в духе «философии техники» М. Хайдеггера и Н. Бердяева; а также «философии науки», которую можно отыскать в поздней антиисциентистских работах Гуссерля [2, с.132-143]).

Таким образом, «мягкая сила» [19, с.168-171] научного знания сегодня оказывается востребованной для продвижения определенных властных стратегий, связанных с прогрессистскими надеждами [9, с.253-255] и коммерческими перспективами. Традиции Г. Маркони (25.04.1884, Болонья – 20.07.1937, Рим), физика и предпринимателя, создателя радио – «первой в мире успешной системы точной передачи информации» (после африканских барабанов, дымов и телеграфа) оказывают непосредственное воздействие на общество, где, по словам Г. Маркузе и М. Фуко, доминирует насильственное «втискивание» интеллекта в рамки устоявшихся представлений, легитимизируемых наукой

(характерная триада «больницы, тюрьмы и университета»). Специфика организационной деятельности в этой сфере позволяет предположить, что дальнейшее ее развитие будет проходить под знаком технологизации, делающей путь собственно научного знания уделом немногих энтузиастов, либо жителей «научных заповедников», поддерживающих «позитивный» выход научных идей и решений. Развитие компетентных коммуникативных взаимодействий с этой сфере в формате участия в международных научных проектах и программах, - в том числе, имеющих политико-дипломатический ракурс (например, с целью непосредственного участия в улучшении международной политической ситуации и урегулировании конфликтов (наука для дипломатии), - возможность развития национальных научных институтов в полном соответствии с той коррекцией, которая предлагается им от лица самой истины.

Список литературы

1. Бёрк П. Что такое культуральная история? М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015. 240 с.
2. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Пер. В. И. Молчанова // Логос. 2002. № 1. С. 132—143.
3. Две жизни Бруно Понтекорво или Разочарование атомного шпиона [Электронный ресурс] // РИА НАУКА, 22.08.2013. URL: <http://ria.ru/science/20130822/957886312.html> (дата обращения 27.06.2016).
4. Зекрист Р.И. Власть в условиях глобализации (социально-философский анализ) : дис. ...доктора филос.наук: 09.00.11. Екатеринбург, 2014. 403 с.
5. Исторические лица Италии [Электронный ресурс] URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_i/italia.php (дата обращения 27.06.2016).
6. Коннов В.И. Принципы научного самоуправления в современной социологии науки // Философские науки. 2007. № 4. С. 132-147.
7. Кравченко С.А. Модерн и постмодерн: «старое» и новое видение // Социологические исследования. 2007. №9. С.24-34.
8. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: «Refl-book», 1994.368 с.
9. Медведева С.М. Научная коммуникация в современном мире: проблемы и перспективы // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 2 (35). С. 253-255.
10. Россия предпочла войну с Украиной? Обсуждают профессор Георгий Дерлугьян и академик РАН Юрий Рыжов [Электронный ресурс] // Официальный сайт Радио Свобода. 16.01.2015. URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/26797194.html> (дата обращения 27.06.2016).
11. Силантьева М.В. Проблемы логики и теории познания в современном гуманитарном знании: учебно-методическое пособие для студентов и аспирантов. М.: Проспект, 2006. 48 с.
12. Соловьев Э.Ю. Секуляризация–историцизм–марксизм: тема человекобожия и религии прогресса в философской публицистике С.Н. Булгакова // Вопросы философии. 2001. № 4. С. 31–37.
13. Список послов Италии в Российской империи, СССР и Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_послов_Италии_в_Российской_империи,_СССР_и_Российской_Федерации (дата обращения 27.06.2016).

14. Суд продлил ректору ДВФУ домашний арест до середины июля [Электронный ресурс] / Новости Владивостока на VL.ru URL: <http://www.newsvl.ru/vlad/2016/05/20/147586/> (дата обращения 27.06.2016).
15. Фархатдинов Н. Техника и наука как «идеология»: через 40 лет на русском языке // Социологическое обозрение Том 6. № 2. 2007. С. 60-64.
16. Фуко М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002. 384 с.
17. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. М.: Ad Marginem, 1999. 479 с.
18. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология» / Пер. с нем. М.Л. Хорькова. М.: Праксис, 2007. 208 с.
19. Шестопал А.В., Силантьева М.В. «Мягкая сила» культурны модуляторов современных модернизационных процессов // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 6 (27). С. 168-171.
20. Glagolev V.S. Cooperation of technologic and scientific knowledge in development of European culture / В сборнике: European Science and Technology materials of the VI International research and practice conference. 2013. PP. 171-174.
21. Franzen J. Metaethics, ontology, and epistemology in American sociology: Emile Durkheim and Gilles Deleuze : Dissertation. Department of Sociology. For the Degree of Doctor of Philosophy. Colorado Spring 2012. Colorado State University. 139 p. URL: http://dspace.library.colostate.edu/webclient/DeliveryManager/digitool_items/csu01_storage/2012/07/18/file_1/169317 (accessed 18 July 2016).
22. Manzi J. What social science does—and does not—know // City Journal. 2010. Т. 20. № 3. URL: <http://www.city-journal.org/html/what-social-science-does—and-doesn't-know-13297.html> (accessed 5 July 2016).
23. Slaughter Sheila. Academic capitalism and the new economy: markets, state and higher education / Sheila Slaughter and Gary Rhoades. The Jhon Hopkins University Press. Baltimore, 2010. 384 p.

References

1. Bjork P. Chto takoe kul'tural'naja istorija? [What is the history of the culture?] Moscow: Dom Vysshej shkoly jekonomiki Publ., 2015. 240 p.
2. Gusserl E. Krizis evropejskih nauk i transcendental'naja fenomenologija [Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology] Per. V. I. Molchanova // Logos Publ. 2002. № 1. pp. 132—143.
3. Dve zhizni Bruno Pontekorvo ili Razocharovanie atomnogo shpiona [Two lives of Bruno Pontecorvo or Frustration of atomic spy] // RIA NAUKA, 22.08.2013. Available at: <http://ria.ru/science/20130822/957886312.html> (Accessed 27 June 2016).
4. Zekrist R.I. Vlast' v uslovijah globalizacii (social'no-filosofskij analiz) [Authorities in the context of globalization (social-philosophical analysis)]: Dokt, Diss.: 09.00.11. Ekaterinburg, 2014. 403 p.
5. Istoricheskie lica Italii [Historical figures of Italy]. Available at: http://www.hrono.ru/biograf/bio_i/italia.php (Accessed 27 June 2016).
6. Konnov V.I. Principy nauchnogo samoupravlenija v sovremennoj sociologii nauki [The principles of scientific self-governance in modern sociology of science] // Filosofskie nauki [Philosophy Science]. 2007. № 4. pp. 132-147.
7. Kravchenko S.A. Modern i postmodern: «staroe» i novoe videnie [Modern and Postmodern: the "old" and new vision] // Sociologicheskie issledovanija [Sociological investigations]. 2007. №9. pp.24-34.

8. Markuze G. Odomernyj chelovek [A one-dimensional man]. Moscow: «Refl-book Publ.», 1994. 368 p.
9. Medvedeva S.M. Nauchnaja kommunikacija v sovremennom mire: problemy i perspektivy [Scientific communication in the modern world: problems and prospects] // Vestnik MGIMO Universiteta. 2014. № 2 (35). pp. 253-255.
10. Rossija predpochla vojnu s Ukrainoj? Obsuzhdajut professor Georgij Derlug'jan i akademik RAN Jurij Ryzhov [Russia preferred to war with Ukraine? Professor George Derlugian and Academician Yury Ryzhov discuss] // Oficial'nyj sajt Radio Svoboda. 16.01.2015. Available at: <http://www.svoboda.org/content/transcript/26797194.html> (Accessed 27 June 2016).
11. Silant'eva M.V. Problemy logiki i teorii poznanija v sovremennom gumanitarnom znanii: uchebno-metodicheskoe posobie dlja studentov i aspirantov [Problems of logic and theory of knowledge in the contemporary humanities: teaching aid for undergraduate and graduate students]. Moscow: Prospekt Publ., 2006. 48 p.
12. Solov'ev E.Y. Sekularizacija–istoricizm–marksizm: tema chelovekobozhija i religii progressa v filosofskoj publicistike S.N. Bulgakova [Secularization-historicism-Marxism: the theme of the divine nature of man and the progress of religion in philosophical journalism of S. Bulgakov] // Voprosy filosofii. 2001. № 4. pp. 31–37.
13. Spisok poslov Italii v Rossijskoj imperii, SSSR i Rossijskoj Federacii [List of Ambassadors of Italy in the Russian Empire, the Soviet Union and the Russian Federation]. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Spisok_poslov_Italii_v_Rossijskoj_imperii,_SSSR_i_Rossijskoj_Federacii (data obrashhenija 27.06.2016).
14. [The court extended house arrest of the rector of FEFU until mid-July] / Novosti Vladivostoka na VL.ru. Available at: <http://www.newsvl.ru/vlad/2016/05/20/147586/> (Accessed 27 June 2016).
15. Farhatdinov N. Tehnika i nauka kak «ideologija»: cherez 40 let na russkom jazyke [Technology and Science as 'Ideology': in 40 years in Russian] // Sociologicheskoe obozrenie [Sociological Review] Tom 6. № 2. 2007. pp. 60-64.
16. Fuko M. Intellektualy i vlast'. Izbrannye politicheskie stat'i, vystuplenija i interv'ju. [Intellectuals and power. Selected political articles, speeches and interviews] (Russ. ed.: Moscow: Praksis Publ., 2002. 384 p.)
17. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tjur'my [Discipline and Punish. The birth of the prison] / M. Fuko. (Russ. ed.: Moscow: Ad Marginem Publ., 1999. 479 p.)
18. Habermas Y. Tehnika i nauka kak «ideologija» [Technology and Science as "Ideology"] / (Russ. ed.: Tr. by M.L. Hor'kov. Moscow: Praksis Publ., 2007. 208 p.)
19. Shestopal A.V., Silant'eva M.V. «Mjagkaja sila» kul'turny moduljatorov sovremennyh modernizacionnyh processov ["Soft power" of cultural modulators contemporary modernization processes] // Vestnik MGIMO Universiteta. 2012. № 6 (27). pp. 168-171.
20. Glagolev V.S. Cooperation of technologic and scientific knowledge in development of European culture / V sbornike: European Science and Technology materials of the VI International research and practice conference. 2013. pp. 171-174.
21. Franzen J. Metaethics, ontology, and epistemology in American sociology: Emile Durkheim and Gilles Deleuze : Dissertation. Department of Sociology. For the Degree of Doctor of Philosophy. Colorado Spring 2012. Colorado State University. 139 p. Available at: http://dspace.library.colostate.edu/webclient/DeliveryManager/digitool_items/csu01_storage/2012/07/18/file_1/169317 (accessed 18 July 2016).

22. Manzi J. What social science does—and does not—know //City Journal. 2010. Т. 20. №. 3. Available at: <http://www.city-journal.org/html/what-social-science-does—and-doesn't-know-13297.html> (accessed 5 July 2016).
23. Slaughter Sheila. Academic capitalism and the new economy: markets, state and higher education / Sheila Slaughter and Gary Rhoades. The Jhon Hopkins University Press. Baltimore, 2010. 384 p.

Силантьева Маргарита Вениаминовна
профессор кафедры философии МГИМО МИД России
доктор философских наук, профессор
117454, Москва, пр-т Вернадского, д.76
silvari@mail.ru

Silantieva Margarita Veniaminovna
Professor, Department of Philosophy MGIMO
PhD, professor
117454, Moscow, pr. Vernadskogo, 76
silvari@mail.ru